

Научная статья
УДК 7.04:7.036
DOI 10.46748/ARTEURAS.2026.01.004

Фольклорные герои в произведениях тувинских камнерезов

Чап Айлана Алексеевна

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Российская Федерация
Lanachal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6645-4781>, SPIN-код (Science Index): 8229-3640*

Аннотация. Статья посвящена исследованию образов фольклорных героев, воплощенных в творчестве тувинских камнерезов в период второй половины XX столетия, на примере произведений таких мастеров, как А. Тумат, А. Ховалыг, Х. Донгак, А. Ойдул и Э. Байынды. Основная цель работы заключается в анализе и интерпретации образов из народных сказок и героического эпоса, отражающих богатство и разнообразие тувинского фольклора в малой пластике. Тувинская скульптура малой формы, особенно изображения фольклорных персонажей, пока изучена недостаточно. Статья поднимает важный вопрос о взаимосвязи между замыслом художника и литературным образом-персонажем, а также о значимости фольклорных мотивов в современном искусстве. Новизна исследования определяется попыткой комплексного анализа образов тувинских фольклорных героев, ранее не подвергавшихся искусствоведческому анализу. Рассматриваются не только художественные приемы и стилистические особенности, но и индивидуальные трактовки персонажей камнерезами, которые варьируются в зависимости от личных интерпретаций и художественных подходов. Показано, что такие сказочные образы, как Оскюс-оол или Демир-Маадыр, сохраняют свою актуальность и вдохновляют современных тувинских камнерезов. При этом каждое произведение, созданное на основе фольклора, обретает новую интерпретацию, отражающую художественный почерк того или иного мастера. Статья также акцентирует внимание на художественной выразительности малой скульптуры: автор рассматривает, как традиционные приемы помогают передать динамику и эмоциональную насыщенность фольклорных сюжетов. Обращаясь к эпическим героям, тувинские камнерезы находят уникальные пути для передачи культурного наследия, сочетая традиции прошлого с современными художественными решениями. Работа существенно расширяет понимание роли фольклора в тувинском изобразительном искусстве, подчеркивая его важность как источника вдохновения для художников. Исследования подобного рода не только способствуют углублению знаний о тувинском искусстве, но и поднимают вопрос о его месте и роли в современном художественном контексте.

Ключевые слова: изобразительное искусство XX века, изобразительное искусство Тувы, камнерезное искусство, малая пластика, фольклорные образы, образы эпоса, художественные приемы

Для цитирования: Чап А.А. Фольклорные герои в произведениях тувинских камнерезов // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2026. № 1 (40). С. 66–77.
<https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2026.01.004>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1266>.

Original article

Folklore heroes in the works of Tuvan stone carvers

Aylana A. Chap

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation

Lanachal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6645-4781>, SPIN-code (Science Index): 8229-3640

Abstract. This article explores the portrayal of folklore heroes in the works of Tuvan stone carvers during the latter half of the 20th century. It examines the works of renowned masters such as A. Tumat, A. Khovalyg, Kh. Dongak, A. Oidup, and E. Bayindy as examples. The main objective of this study is to analyse and interpret the depictions of folk tales and heroic epics in small sculptures, showcasing the diversity and richness of Tuvan folklore. Despite its significance, Tuvan small plastic art, particularly its portrayal of folklore heroes, has not been extensively studied. This article raises important questions about the relationship between the artist's intention and the literary character, as well as the significance of folklore motifs in contemporary art. The novelty of this research lies in its comprehensive analysis of the images of Tuvan folklore heroes, which have not been previously subjected to such in-depth art historical examination. It not only explores artistic techniques and stylistic features, but also delves into the individual interpretations of characters by stone carvers, which vary based on their personal perspectives and artistic approaches. The study reveals that fairy-tale figures like Oskysool and Demir-Maadyr continue to inspire contemporary Tuvan stone carvers. Moreover, each work inspired by folklore takes on a unique interpretation, reflecting the individual artistic style. The article also highlights the artistic expressiveness of small sculptures, which utilize traditional techniques to convey the dynamism and emotional depth of folklore narratives. By incorporating folklore characters, Tuvan stone carvers find innovative ways to convey cultural heritage, blending past traditions with contemporary artistic approaches. This research significantly expands our understanding of the role of folklore in Tuvan fine art, emphasizing its importance as a source of inspiration for artists. It not only contributes to a deeper understanding of Tuvan art but also raises questions about its place and role in the contemporary artistic context.

Keywords: 20th-century fine art, fine art of Tuva, stone carving, small plastic art, folklore motifs, epic motifs, artistic techniques

For citation: Chap, A.A. (2026) 'Folklore heroes in the works of Tuvan stone carvers', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (1), pp. 66–77. doi:10.46748/ARTEURAS.2026.01.004.

Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1266>. (In Russ.)

Введение

Тувинское изобразительное искусство богато оригинальными художественными произведениями, созданными талантливыми художниками. Они передают красоту родной земли, разнообразие природы, отражают древний духовный мир. Источником вдохновения становилась как осязаемая материальная часть мира, так и нематериальное наследие — фольклор (сказания, мифы, даже детские сказки). Не исключение и художники-камнерезы,

которые, зная народный эпос и сказки, вдохновляются литературными фольклорными образами и создают разнообразные тематические произведения малой пластики. В первой половине XX столетия в скульптуре малой формы, изображающей людей, превалировали образы современников (чабанов-сакманщиков, героев социалистического труда и т.п.). Камнерезные сказочные герои появляются после 1960-х годов. Это всадники-богатыри, вырезанные верхом на конях, *арзыланах*

(мифических львах), сказочных оленях. Присутствуют многофигурные композиции — героические подвиги, момент битвы героя с чудовищем.

Цель этого исследования состоит в анализе и интерпретации образов из народных сказок и героического эпоса, воплощенных в тувинской малой пластике второй половины XX века, на примере произведений А. Тумата, А. Ховалыга, Х. Донгака, А. Ойдуца и Э. Байынды. Особенное внимание уделено пока недостаточно изученной взаимосвязи между замыслом художника-камнереза и литературным образом персонажа. Художественный замысел мастера может не вполне совпадать с литературным образом, поскольку в своей работе камнерез предлагает авторскую трактовку, преломленную сквозь призму личного восприятия первоисточника. Некоторые персонажи (например, Оскюс-оол, безымянные богатыри-борцы, лучники и др.), как наиболее популярные, встречаются в творчестве многих авторов. К теме героических подвигов, волшебных существ обращались практически все художники-камнерезы старшего поколения: Монгуш Черзи, Раиса Аракчаа, Когел Саая, Дондук Дойбухаа, Эрес-оол Байынды и др. Актуальна она и сегодня в работах современных камнерезов Хеймер-оола Донгака, Маадыра Монгуша, Александра Ойдуца и др.

Изучение искусства тувинской малой пластики всегда было актуально среди искусствоведов. К вопросу тувинской малой пластики обращались также этнографы и историки с начала XX столетия. Участников экспедиций в Урянхайский край (название Тувы на рубеже XIX–XX веков) привлекала тувинская скульптура малой формы. «Скульптура трактуется в условных, мощно обобщенных формах, где художник не интересуется мускулатурой и другими деталями и их не разрабатывает, где важно только целое. ... Кажется, что речь этих людей должна складываться только в форму эпоса. ... Во всём простота и величие. Тувинец простым, а, следовательно, и самым трудным способом достигает наибольшего художественного впечатления», — отмечал в 1930-е годы И.М. Мягков в одной из первых фундаментальных работ, посвященных традиционному прикладному и народному искусству Тувы [1, с. 298–300].

Стоявший у истоков изучения тувинской малой пластики историк, этнограф и краевед М.Б. Кенин-Лопсан в своей работе «Волшебник» (1976), посвященной анализу творчества камнереза Монгуша Черзи, рассматривал сказочно-фантастические мотивы в произведениях мастера [2, с. 22–23]. Изучением малой пластики в аспекте мифических существ занималась А.К. Иргит [3]; в статье «Дракон и лев в каменной пластике Тувы» [4] искусствовед анализирует происхождение и трансформацию

образов указанных мифических персонажей в произведениях тувинских камнерезов. Исследователями тувинской малой пластики ранее изучались в основном мифические, сказочные анималистические образы — *арзыланы* (собако-львы, защитники и охранники), драконы. При этом образы героев фольклора практически не попадали в орбиту изысканий искусствоведов. В.А. Кисель в научном журнале «Новые исследования Тувы» писал об образе *нойона* (князя, высокопоставленного чиновника) в тувинской мелкой пластике [5], рассматривая генезис этого образа с исторической позиции. Более широкий обзор и анализ образов фольклорных героев отсутствуют, указанная проблема ранее подробно не изучалась и, на наш взгляд, представляет искусствоведческий интерес.

С помощью формального и иконографического методов, позволяющих проанализировать визуальные характеристики произведений малой пластики (преимущественно из фондов Национального музея Республики Тыва имени Алдан-Маадыр), мы рассмотрим фольклорные образы и их авторские интерпретации. Обзорное исследование проведено на примере работ известных камнерезов: Э.Б. Байынды, Х.Б. Донгака, А.О. Ойдуца, А.Б. Тумата и А.А. Ховалыга. Данные произведения наиболее полно воплощают черты народных персонажей и позволяют выявить индивидуальные особенности техник резьбы, а также способы пластического обобщения и типизации образов.

Герои народных сказок и героического эпоса в произведениях тувинской малой пластики второй половины XX века

Один из основных жанров тувинского фольклора — сказания. В них повествуется о подвигах богатыря в борьбе с чудовищами или иноземными врагами, его поездке к далекой суженой, героическом сватовстве. Как заметил историк-этнограф Л.В. Гребнев, «народ — творец эпоса — в художественных произведениях <...> создавал героев в соответствии со своими представлениями и идеалами...»¹. Героическим сказаниям свойственен динамичный сюжет и подбор характерных персонажей с детальным описанием. В волшебных сказках также повествуется о борьбе героя с силами природы, злыми ханами, нечистой силой; о борьбе за невесту или наследство; о победе, достигнутой благодаря волшебным помощникам или различным волшебным предметам.

Сквозной герой многих повествований — сирота Оскюс-оол (в переводе с тувинского: «Парень-сирота»), отважный, сметливый, наделенный невероятной силой. Он выходит победителем из разных испытаний, наказывает жестокого и вероломного хана. Золотая *дангына*

¹ Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1960. С. 5.

1. **А.Б. Тумат.**

Хан-Херети

и Оскюс-оол.

1987.

Агальматолит, резьба.

17 × 14 × 7,4.

Национальный музей

Республики Тыва.

Фото: А.А. Чап

(царевна) — его супруга и советчик. В тувинских народных сказках, где главные герои — богатыри (*маадыры*), одновременно сильные и мудрые, — осуждаются трусость, измена, жадность, лень. Обычно тувинские рассказчики исполняют сказки напевно, речитативом. Известно, что сказителей брали с собой на охоту, в далекие торговые караванные переходы; они были желанными гостями в любой юрте.

Образ Оскюс-оола встречается в творчестве многих мастеров-камнерезов. В пример можно привести камнерезную работу А. Тумата «Хан-Херети и Оскюс-оол» (1987, ил. 1), выполненную из агальматолита коричневого цвета с вкраплениями. В композиции доминирует фигура сказочной птицы Хан-Херети (Хаан-Херети или в монгольской вариации — Хан Гаруди, Хан Гарди). В тувинский фольклор образ мифической птицы, скорее всего, проник во время распространения буддизма. В сказках волшебная гигантская птица не имеет человеческого лица, головы (по сравнению с птицей Сири́н или Фени́ксом). Автор вырезал

Хан-Херети с головой ястреба на изогнутой павлиньей шее и в тувинском головном уборе с лентами, который по форме он похож на чиновничий *ноян бөргү*, то есть шапку с островерхой тульей [6, с. 37]. К чиновничьим шапкам, как правило, прикрепляли на подставку (*одага*) павлиньи перья с «глазками», знак принадлежности к высшим княжеским чинам. На шапке Хан-Херети вместо перьев прикреплены две широкие ленты, поверхность которых покрыта резьбой-орнаментом. Сделав акцент с помощью головного убора, автор указывает, во-первых, на антропоморфность персонажа: сказочная Хан-Херети умеет разговаривать человеческим голосом, по-человечески привязана к семье, своим птенцам в высоком гнезде, за которыми трогательно ухаживает, добывая им пропитание. Также ей присущи сострадание и благородство. Головной убор чиновничьего ранга указывает, во-вторых, и на благородное положение птицы в иерархии волшебных существ. Хан-Херети — не простая птица; это «царь-птица», наделенная огромной силой и способностью перемещаться между мирами,

2. **Х.Б. Донгак.**
Демир-Маадыр отрубил
голову Мангысу.

1983.

Агальматолит, резьба.

13 × 15 × 5.

Национальный музей
Республики Тыва.

Фото:

Ш.Ш. Биче-оола (2012)

из архива Х.Б. Донгака

своими чудесными возможностями она помогает преобразению героя.

В скульптуре малой формы живописно вырезано оперение волшебной птицы. Резьба постепенно изменяется от плоскостного узора в виде чешуи до рельефных стилизованных перьев на концах и хвосте. Такой композиционный прием не только усиливает эмоциональную выразительность, но и придает фигуре Хан-Херети ритм и объем формы. Автор нашел баланс в декорировании персонажа, сумев остановиться на нужной границе, чтобы не впасть в украшательскую чрезмерность. Таким образом, не нарушена гармония композиции, что позволяет зрителю цельно воспринимать произведение. Небольшая фигурка Оскюс-оола, держащегося на хвосте птицы, контрастирует с птицей по пропорциям. Такой дисбаланс соответствует литературному описанию, в сказке она предстает как «огромная птица Хан-Херети», которая «раз в три года уносит жеребенка»². Фигура героя при статичном расположении (он лежит на спине птицы) полна динамики. Художнику удалось передать напряженность, всего лишь тщательно вырезав костяшки пальцев, которые

буквально вцепились в оперение хвоста. Выразительная мимика персонажа еще сильнее передает упорство героя.

В творчестве известного мастера-камнереза, заслуженного деятеля искусств Республики Тыва Х.Б. Донгака резьба по камню занимает ведущее положение. А.С. Хертек так характеризует творчество современного мастера камнерезного и деревянного искусства Тувы: «Еще студентом он вырезал одиночные фигурки животных без излишней орнаментации, лаконично моделируя пластические объемы голов и туловищ. Таковы его козероги, верблюды, арзыланы, сарлыки, кони, драконы, барсы, архары, кабаны, быки, вырезанные из агальматолита разных цветов и оттенков — от белого до красно-коричневого. Особой монументальностью выделяются его скульптуры животных и многофигурные композиции, выполненные из серпентинита, камня черного цвета с зеленоватыми и фиолетовыми оттенками. Многофигурные композиции из агальматолита, выполненные в 1990-е годы, изображают борьбу эпического богатыря со сказочными чудовищами — «Демир-Маадыр отрубил голову Мангыса»,

² Оскюс-оол и Золотая дангына: Тувинские народные сказки. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1960. С. 17.

несколько вариантов укрощения Оскюс-оолом дикого сарлыка — «Укротитель», 1982, 1984, 1994 годов»³.

Обратимся к образу богатыря Демир-Маадыра (букв.: «Железного героя»), поборовшего чудовище (ил. 2), который типичен для тувинского фольклора. «Железный герой» совершает сверхъестественные подвиги (борется с врагами-чужеземцами, чудовищами и пр.). Он вырезан художником-камнерезом в виде человека в длиннополой национальной одежде, держащим в руке длинный кнут. Извилистый плетеный хлыст — орудие для поимки и уничтожения демонов и любой злой силы. Динамика образа героя подчеркнута диагональной полосой-окантовкой *тона* (национального туникообразного одеяния). Подвешенные к поясу нож в ножнах и огниво подчиняются анатомическому движению; их синхронизированное расположение усиливает движение изогнутого хлыста в поднятой руке героя.

Мифический Мангыс (*он же Амырга-Кара-Моос*), чудовище, чей образ «широко распространен в тюркско-монгольском фольклоре, в тувинских мифах предстает в облике огромного, черного или желтого цвета, змееподобного многоголового <...> демонического персонажа, проглатывающего людей и скот»⁴. В произведении камнереза Х. Донгака Мангыс — это огромная голова уже поверженного чудовища. Подобно древним скифским мастерам, способным передать облик зверя через одну лишь деталь, Хеймер-оол Донгак в своей малой пластике ограничивается изображением головы мифического чудовища. Отрубленная голова увенчана шишковидными рогами; ее окружают стилизованные клубы дыма. Сквозь них видна оскаленная пасть с клыками. Круглые выпученные глаза Мангыса художник вырезал в восточном стиле; такие способы в тибетской иконографии присущи для изображения гневных божеств.

В произведении Х. Донгака присутствует типичный классический подход в трактовке образа героя, борющегося с чудовищем-угнетателем. Мастер верен формам традиционного народного искусства, ставшего основой его творческого мировоззрения. Большое внимание он уделяет орнаменту. В образе, одеянии героя присутствует лишь строгий орнамент в виде косой сетки (*хана карак*). Для композиционного равновесия он также продублирован на боковых сторонах подставки. Привлекает внимание активная нижняя часть композиции,

в которой автор представил отрубленную голову чудовища. Рельефные и плоскостно-резные спирали, обрамляющие голову, от которой видны лишь оскаленная пасть, широкие ноздри и короткие рога, составляют своеобразный декор композиции. Они являются продолжением основания композиции. Очертания образов героя и чудовища практически составляют равностороннюю геометрическую фигуру, уравнивая друг друга.

Примечательно, что изображение богатыря, победившего чудовище, носит универсальный характер. Под его облик попадают по описанию несколько персонажей разных волшебных сказок. Вероятно, Х.Б. Донгак, вдохновленный сюжетами этих историй, создал своего героя по их мотивам. Если бы автор не указывал в названии произведения имя «Демир-Маадыр», зритель мог бы назвать любого другого сказочного персонажа, сразившегося с чудовищем. Например, в тувинской сказке «Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара» герой одолевает пятнадцатиголового прожорливого змея, спасая тем самым птенцов волшебной птицы Хан-Херети, и становится ее другом⁵.

Тексты героических сказаний и сказок служат богатым источником вдохновения для камнерезов: наглядность фольклорных характеристик облегчает поиск художественного решения и стимулирует творческий поиск. Герои — богатыри, смельчаки, воины — обычно являются центральными персонажами фольклорного повествования и часто выступают в роли этического и эстетического идеала. Поэтому в текстах описанию их внешности уделяется значительное внимание. Вот, например, так описывается Боктуг-Кириш, герой популярного сказания «Боктуг-Кириш и Бора-Шэлей»: «Обул черные кожаные идыки, надел шапку черного соболя, халат черного шелка, застегнул все 30 пуговиц, опоясался черным шелковым поясом с булатным ножом на нем. Глядит на него сестра и диву дается: стал ее брат таким богатырем, что ростом своим он с вершиной Энгиргей-горы сравнялся, на черные облака в небе опирается...»⁶.

Как мы видим, внешний облик, одежда и различные аксессуары описываются очень подробно, образный язык рисует эпический портрет героя. Это позволяет художникам также подробно воспроизводить внешний облик героя в камне. Примеры тому — работы «Древний воин» (1994, ил. 3) А. Ойдуца или «Субедей» (2010) Э. Байынды.

Скульптура малой формы «Древний воин» А. Ойдуца вырезана из цельного куска серпентинита,

³ Хертек А.С. Пластика Хеймер-оола Донгака // Тувинская правда. 2022. № 90 (26 ноября). URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/plastika-hejmer-oola-dongaka> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н.А. Алексеев, Л.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 26.

⁵ Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. С. 243.

⁶ Тувинские героические сказания / сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: «Наука», Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 19.

3. **А.О. Ойдуп.**

Древний воин.

1994.

Серпентинит, резьба.

15,5 × 22 × 9.

Национальный музей

Республики Тыва.

Фото: А.А. Чап

одного из излюбленных поделочных камней тувинских резчиков. Привлекает внимание нарочитая грубость обработки камня и практически отсутствие деталей. Здесь нет декоративной резьбы как украшения камня, лишь вырезанные бороздки обозначают густую шерсть яка (сарлыка). Это изображение мужчины-воина, скорее, воплощение архетипа. Он предстает перед зрителем как результат творческого осмысления и объединения художественных идей воинов и представляет собой универсальный образ. В скульптуре в позе всадника-кочевника, уверенно сидящего верхом, угадываются характерные очертания всех наездников. Таким его могли изобразить и 50–60 лет назад, в начале XX столетия, в период становления профессионального тувинского камнерезного искусства. Не исключено, что к такому характерному типу будут стремиться художники и в будущем, опираясь на «коллективную память». Подпитываясь известными изобразительными структурами, А. Ойдуп создал типовой «вечный»

образ. Перед нами воин, прошедший испытания «девятью трудностями, которые должен преодолеть мужчина...» [7, с. 87].

Одна из популярных тем и часто встречающийся сюжет в фольклоре и тувинской скульптуре малой формы — национальная борьба хуреш. Подробное описание поединка двух богатырей можно встретить во многих текстах. Так, например, в сказании о богатырях «Алдай-Буучу»: «И вот два богатыря, сотрясая землю и небо, встретились посреди необозримой глазом степи <...> схватились в борьбе, словно столкнулись черная скала с белой скалой...»⁷. Или в сказании «Боктуг-Кириш и Бора-Шэлей» есть фрагмент, описывающий поединок двух богатырей: «...Двое богатырей ходили, кружились один вокруг другого и вдруг схватились за руки. Прошло три месяца — девяносто суток, как они боролись. Бокту-Кириш схватил Сараатай-хана под мышки, забросил его вверх и пронес над собой вокруг степи, потом закружил вокруг себя и так бросил его вниз, что

⁷ Сказания о богатырях. Тувинские героический эпос. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1960. С. 51.

4. **А.А. Ховалыг.**

Борцы (Мөгелер).

1990.

Агальматолит, резьба.

10 × 11 × 5.

Национальный музей

Республики Тыва.

Фото: А.А. Чап

синее небо заколыхалось, черная земля задрожала...»⁸.

Образные красочные эпизоды вдохновляли многих камнерезов, обращавшихся к теме хуреша в своем творчестве. Здесь применяются все выразительные средства художественного воплощения в скульптуре: ритм, пропорции, способы полировки камня. Они обеспечивают выразительность движения каждого персонажа. Природная пластичность агальматолита позволяет создавать непринужденные по форме и содержанию скульптуры борцов. Как правило, борцы хуреша — «обзорные», собирательные характеры, поэтому могут быть соотнесены с любыми эпическими персонажами. Таковы творческие работы А. Ооржака «Борцы хуреш» (1979) или А. Ховалыга «Борцы» («Мөгелер») (1990, ил. 4). Последняя выполнена из агальматолита светлого серого оттенка. Однородность камня без лишних вкраплений позволила автору в полной мере передать игру объема и напряжение мышц. Скульптуре

свойственна естественная непринужденность, лишенная нарочитости, что придает композиции особую изящность. Минимализм в деталях (отказ от поверхностного или рельефного орнамента) способствует цельности восприятия миниатюры, чьи размеры не превышают 11 см. Напряженный момент захвата и игру светотени художник воплотил с помощью пластической проработки тел и тщательной шлифовки камня. Позы персонажей выстроены на контрасте (вертикаль и горизонталь, динамика и напряженная статичность), однако они образуют гармоничное композиционное единство. А. Ойдуп представил обобщенный облик борцов хуреша. Не имея конкретного прототипа для изображения и руководствуясь, вероятно, лишь художественным описанием, он предложил зрителю свое видение богатырей-мөгелер — «типических носителей народных идеалов богатырской мощи, воинской доблести, мужественной красоты» [8, с. 24].

Рассмотрим воплощение образа лучника, вернее, меткого стрелка. Поскольку стрельба из лука

⁸ Тувинские героические сказания. Указ. соч. С. 96.

5. **Э.Б. Байнды.**
Лучник Бокту-Кириш
Бора-Шээлей.
1991.
Агальматолит, резьба.
16 × 15 × 5.
Национальный музей
Республики Тыва.
Фото: А.А. Чап

(ча *адары*) издавна является одним из тувинских традиционных видов состязаний среди мужчин, эта тема неизменна в фольклоре. В.К. Даржа отмечает в книге, посвященной исследованию традиционного мировоззрения тувинских кочевников: «В тувинских сказаниях стрельба из лука отмечалась как самая интересная игра на праздниках. Особенно когда встречались два героя. Во время культовых праздников, чтобы выявить лучшего воина, участники должны были соревноваться в стрельбе из лука» [8, с. 195]. Любой положительный персонаж в сказке — весьма искусный лучник. В упомянутом ранее героическом сказании «Боктуг-Кириш и Бора-Шэлей» встречается такое описание персонажа: «Старик Окендей, когда был молодым, / Тугой крепкий лук имел — / На его верхнем конце / Тридцать драконов вырезано, / На его нижнем конце / Шестьдесят драконов вырезано...»⁹.

В творчестве Э.Б. Байынды, заслуженного художника России, образ лучника из сказания о Боктуг-Кирише запечатлен в одноименной скульптуре малой формы (ил. 5). То, что автор сам дал ей название «Лучник Бокту-Кириш Бора-Шэлей», на наш взгляд, указывает на непосредственное отношение к одноименному тувинскому сказанию. Силуэт всадника-лучника несет в себе отголоски степных *кижи-кожээ* (каменных изваяний воинов). Одевание — головной убор с высокой тульей, перекрученный пояс, *идики* (мягкие сапоги с загнутым сверху носком) — все внешние атрибуты отсылают к типичному образу эпического воина. Внешность лучника отличается тем, что непропорционально массивная верхняя часть туловища с большими руками контрастирует с миниатюрностью стоп. Классический разворот туловища всадника позволил мастеру продемонстрировать лук с наложенной стрелой. Сказочное оружие в интерпретации Э. Байынды представляет собой цельный камень. Завитки-узоры занимают всё пространство лука, который настолько стилизован, что менее всего походит на оружие. Покрытый тонкой поверхностной резьбой, изображающей стилизованные облака и волнистые параллельно расположенные линии, обозначающие потоки воздуха, он производит впечатление отточенной работы мастера. Детализация позволила камнерезу передать прием эпического произведения, когда «замедленность изложения достигается путем детальной обрисовки действия... “Натягивал лук с утра до самого вечера, с вечера натягивал до самого утра. Когда из-под руки, держащей стрелу, стал клубом выбиваться дым, из-под руки, держащей лук, стало разрастаться пламя”» [9, с. 32]. По мнению историка-этнографа Л.В. Гребнева, характерное «замедленное повествование подчеркивает

значимость, величавость описываемых событий» [9, с. 32]. Внимание Э. Байынды к этому моменту в описании персонажа отражено в таком подробном орнаментальном декоре.

Стоит обратить внимание на еще одного персонажа произведения — сказочного скакуна. «Для тувинца конь — это верный друг, помощник, в сказках — он мудрый советник...» [10, с. 190]. Как утверждал В.К. Даржа, общественный деятель, автор книги «Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников»: «Воин-мужчина пешком никогда не ходил. <...> Конь был таким же идентифицирующим признаком, как имя человека, ведь след на земле оставляет не человек, а его конь» [9, с. 82]. Художник-камнерез Э. Байынды представил перед зрителем крепкого коня с густой длинной гривой. По физическим характеристикам мастер вырезал коня тувинской породы — невысокого, коренастого, именно такой испокон веков был верным помощником кочевникам в тувинских степях. Таким коням в сказках и героических сказаниях дают эпитеты «добрый», «несравненный», они наделены даром разговаривать, дают советы, к которым главный герой, как правило, прислушивается.

Изящество, присущее малой пластике, в полной мере раскрывается в работе Э. Байынды. Не претендуя на масштабность, произведение тем не менее обладает композиционной цельностью и воспринимается как монументальная в своей основе миниатюра.

Еще в 1990-х годах искусствовед С.М. Червонная писала, что «поэтический мир тувинского фольклора, сверкающий драгоценными россыпями народной фантазии сказок и богатырского эпоса, сохраняет свою привлекательность для разных поколений <...> тувинских художников» [11, с. 133]. Стиль и трактовка образов в камнерезной пластике кардинально не меняются, даже в настоящее время художники стараются придерживаться традиций народной тувинской скульптуры с ее определившейся во времени эстетической константой.

Выводы

Рассмотренные произведения скульптуры малой формы тувинских художников-камнерезов свидетельствуют о разнообразии характеров и фактур. Формальный и иконологический анализ произведений малой пластики, посвященных эпическим и сказочным героям — конкретным образам Оскюс-оола, Демир-Маадыра, Боктуг-Кириша и более обобщенным борцам *хуреш* и воинам древности — демонстрирует, что интерпретация образов сказочных персонажей в творчестве тувинских художников-камнерезов — это прежде

⁹ Тувинские героические сказания. Указ. соч. С. 299.

всего авторская трактовка. Замысел художественного произведения в скульптуре малой формы в представлении художника может быть передан через облик главного персонажа. Основной особенностью является трактовка образов, к которой прибегают тувинские резчики. Даже мастера молодого поколения совершенно не модернизируют свои работы, не наделяют героев своих произведений современными деталями-атрибутами. Интерпретируя знакомых с ранних лет героев фольклора, художники с профессиональной позиции находят традиционные средства передать их «сказочность» в камне.

Жанровые особенности композиций на сказочную тематику в тувинской малой пластике — динамизм и декоративная выразительность. Трактовка образов, выполненных в декоративно-реалистичной манере, несет традиционные национальные черты. При этом художники-камнерезы, конкретизируя образ того или иного героя, всегда привносят собственное видение, выражающееся в переданных деталях. Подробное описание, дающееся в текстах сказок, позволяет авторам конкретизировать свои работы, не впадая в аллегории.

Список источников

1. Мягков И.М. Искусство Танну-Тувы // Материалы по изучению Сибири. Т. 3 / ред.: В.В. Ревердатто, И.М. Мягков, А.М. Кузьмин. Томск: Издание биологического факультета Томского государственного университета, 1931. С. 283–315.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Волшебник. Рассказ о народном камнерезе Монгуше Черзи. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. 84 с.
3. Иргит А.К. Происхождение мифических образов в мелкой пластике Тувы // Культура, искусство и образование в регионах Сибири : мат-лы науч.-практ. конф. / ред. Е.К. Карелина. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2010. С. 158–163.
4. Иргит А.К. Дракон и лев в каменной пластике Тувы // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 178–184.
5. Кисель В.А. Тувинское искусство мелкой пластики и образ нойона // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. С. 63–76.
6. Ховалыг Р.Б. Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018. 336 с.
7. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. 232 с.
8. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М.: Издательство восточной литературы, 1960. 148 с.
9. Даржа В.К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. 256 с.
10. Чап А.А. Мир скакунов в творчестве Хеймер-оола Донгака // Ученые записки. Вып. XXVI : сб. статей / отв. ред. В.Д. Март-оол. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В.М. Торосова, 2023. С. 185–199.
11. Червонная С.М. Художники Республики Тыва. СПб.: Художник России, 1995. 184 с.

References

1. Myagkov, I.M. (1931) 'The art of Tannu-Tuva', in Reverdatto, V.V., Myagkov, I.M. and Kuzmin, A.M. (eds.) *Materials for the study of Siberia. Vol. 3.* Tomsk: Biological Faculty of Tomsk State University Publ., pp. 283–315. (In Russ.)
2. Kenin-Lopsan, M.B. (1976) *The magician. A story about the national stone carver Mongush Cherzi.* Kyzyl: Tuvinskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.)
3. Irgit, A.K. (2010) 'The origin of mythical images in the fine plastics of Tuva', in Karelina, E.K. (ed.) *Culture, art and education in the regions of Siberia* [Conference proceedings]. Kyzyl: Anyyak Publ., pp. 158–163. (In Russ.)
4. Irgit, A.K. (2010) 'The dragon and the lion in stone plastics of Tuva', *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Herald of Vyatka State University*, (2-2), pp. 178–184. (In Russ.)
5. Kisel, V.A. (2014) 'Tuvan art of small statuary and image of Noyon', *Novye Issledovaniya Tuvy = The New Research of Tuva*, (1), pp. 63–76. (In Russ.)
6. Khovalyg, R.B. (2018) *Tuvan traditional clothing.* Novosibirsk: Nauka Publ., NGOP Union of Writers of Russia. (In Russ.)
7. Kenin-Lopsan, M.B. (2006) *Traditional culture of Tuvans.* Kyzyl: Tuvinskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.)
8. Grebnev, L.V. (1960) *Tuvan heroic epic (experience of historical and ethnographic analysis).* Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury. (In Russ.)
9. Darzha, V.K. (2007) *Secrets of the worldview of Tuvan nomads.* Kyzyl: Tuvinskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.)
10. Chap, A.A. (2023) 'The world of racehorses in the works of Kheimer-ool Dongak', in Mart-ool, V.D. (ed.) *Scientific notes. Issue 26.* Abakan: V.M. Torosov Khakass Book Publ., pp. 185–199. (In Russ.)
11. Chervonnaya, S.M. (1995) *Artists of the Republic of Tuva.* Saint Petersburg: Khudozhnik Rossii Publ. (In Russ.)

Информация об авторе

Чап Айлана Алексеевна, научный сотрудник сектора культурологии, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Российская Федерация, Lanachal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6645-4781>, SPIN-код (Science Index): 8229-3640.

Information about the author

Aylana Alekseevna Chap, Researcher in the Cultural Studies Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation, Lanachal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6645-4781>, SPIN-code (Science Index): 8229-3640.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received by the editorial board on 27 October 2025; approved after reviewing on 08 December 2025; accepted for publication on 12 December 2025.